

ТАТЬЯНА ТОРЛИНА

«ВОЙНА — ЖЕСТОЧЕ НЕТУ СЛОВА…»

Второй год мы с тревогой и надеждой ловим ежедневные сводки с фронтов Украины. И в голове крутятся строки военкора «Красной звезды» поэта Александра Твардовского:

Война — жесточе нету слова.
Война — печальней нету слова.
Война — святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Ещё не может быть и нет…

И в это черное время Россия, обуреваемая «победобесием», проводит традиционный, хоть и бледный, военный парад в честь Дня Победы 9 мая — с грохотом сапог, военной техники, речей и оркестров, который острословы назвали «Тень Победы». А буквально за две недели до того, 25 апреля 2023-го, в Австралии прошел тоже традиционный, но сугубо мирный парад в честь Дня АНЗАКА. Анзаки — бойцы Австрало-новозеландского армейского корпуса (АНЗАК), специально сформированного для участия в Первой мировой войне. 25 апреля 1915 года анзаки вместе с войсками союзников высадились под шквальным огнем турецкой армии на гористые берега полуострова Галлиполи у пролива Дарданеллы.

Галлиполийская кампания, обещавшая изменение хода войны в случае успеха, была непродуманной и, в конечном счете, продлившись восемь месяцев, своей цели не достигла, несмотря на беспримерную отвагу и стойкость бойцов с Пятого континента. Потери со стороны Австралии были колоссальные. Та Великая война отозвалась болью и гордостью за своих соотечественников в сердце едва ли ни каждого австралийца. И вот уже 117 лет подряд, начиная с 1916-го, 25 апреля по всей Австралии люди идут торжественным маршем по главной улице, собираются в парках, у мемориалов и памятников, чтобы почтить память павших и в Галлиполи, и на других полях боев в Первую мировую и во всех последующих войнах. Никаких трибун, никаких речей, только опознавательные транспаранты, величественно-печальный сигнал горна «Последний пост» и музыка волынок, ордена и медали на груди, а в руках портреты ушедших военных предков…

В той далекой Великой войне австралийцы впервые выступили как одна единая страна. Прежде они участвовали в военных кампаниях, но как шесть отдельных колоний. А в начале Первой мировой случилось дотоле невиданное: 40 процентов мужчин Пятого континента добровольно вступили в армию.

Галлиполийское кровавое поражение совершило переворот в душах жителей далекой колонии. Австралийцы давно поняли, что высадка в Галлиполи была военной авантюрой, напрасным убийством тысяч их земляков, как, впрочем, и врагов — турок. Понятие «Анзак» нынче воспринимается как нечто легендарное, вроде русского «фронтовик». Но куда более значимое. «По существу это было поражение союзников, но в самосознании австралийцев Галлиполи заняло особое место. Отсюда они ведут отсчет подлинного создания своей нации, ее единства, стойкости и братства. Это своего рода австралийское Бородино, колыбель австралийского духа»,— считает историк Елена Говор.

Елена Говор твердо убеждена: «Из галлиполийского пекла добровольцы Австралийских имперских сил вышли анзаками, именно так они предпочитали отныне именовать себя; более того, они осознали себя не британскими колонистами в Австралии, а новой нацией, австралийцами. Русский писатель Корней Чуковский одним из первых заметил эту трансформацию. В марте 1916 года он отправился в Англию с делегацией русских писателей

и журналистов. Там они встретились с анзаками в тренировочном лагере под Лондоном, куда их перебросили после трагедии Галлиполи. Проведя целый день у австралийцев, Чуковский подметил характерные черты легендарных анзаков — мужество, свободолюбие, открытость и достоинство: „Отправляясь в их лагерь, я думал, что увижу обалделую чернь со следами катастрофы на лицах, а увидел беззаботных красавцев с телами гладиаторов и глазами детей. <...> Фантастический лагерь фантастически свободных людей, пришедших из своей легендарной страны добровольно умереть за Европу, которой никогда не видали!" И как знать, не из того ли далекого 1916 года прискакал в наше (вернее, самой Елены Говор, — *Прим. ред.*) детство бесстрашный кенгуру, единственный зверь, не побоявшийся усатого таракана...»

Для исследовательницы Елены Говор, специалиста по истории русско-австралийских связей, коренной минчанки, но около тридцати пяти лет живущей в Канберре, День АНЗАКА значит очень много. «Этот день знаменует мою принадлежность к новой стране, которая стала моим домом, — сказала Елена Говор корреспондентке русской программы радио SBS Виктории Станкеевой. — А Галлиполийская трагедия, как, впрочем, и трагедия бессмысленной и кровопролитной Великой войны, не просто далекая история для меня и, наверное, для большинства сегодняшних жителей Австралии. Это пример того, как нужно относиться к своей истории. Для Австралии Первая мировая была, по существу, чужой войной. Австралийцы пошли воевать за Британскую империю, без толку высадились на турецкий берег, потом на западном фронте сотнями гибли в окопах, залитых водой.

Но они не озлобились. И сами, и их потомки поняли, как относиться к такому прошлому. Они не говорили о великих армиях — они говорили о товариществе. Символ Австралии — простой солдат-санитар Симпсон с осликом, которого он случайно нашёл, и стал под пулями вывозить на нем раненых из окопов. Вскоре и сам погиб. В столице Австралии, в Канберре, у входа в военный мемориал, стоит не герой на белом коне, а простой парень с осликом. Это, по-моему, говорит очень о многом. Для всех нас очень важно понять, как люди себя ведут на войне, как они становятся товарищами, выручают друг друга. Это как раз те уроки, которые из страшной чужой войны извлекли австралийцы. Мне удалось обнаружить среди воевавших анзаков более 1000 российских подданных, вступивших в австралийскую армию. Причём многие из них бежали из Российской империи, чтобы избежать военного призыва. То есть, происходило то же самое, что и сейчас — из

Сверху вниз:

Анзаки в бухте Галлиполи
Высадка анзаков
Празднование первого Дня АНЗАКа в Сиднее. 1916 год
День АНЗАКА в Австралии в наши дни

Австралийцы в окопах Первой мировой войны

Российской Федерации во время объявления мобилизации началось массовое бегство граждан призывного возраста. В 1914-м, оказавшись в Австралии, где было совсем другое отношение к солдату, беглые россияне вступали в армию. И у многих русских анзаков, конечно, вскоре наступило разочарование. Они увидели бессмысленное убийство в полузатопленных траншеях, когда солдаты гибли от снарядов, даже не успев пойти в атаку. Шла война нового типа. Но именно она, жестокая, беспощадная, пробудила у анзаков, в том числе и российских, спасительное чувство единения, этнической общности. Причем, каждое новое поколение жителей континента осмысливает прошлое по-новому, извлекая из него уроки. Скажем, нынешним австралийцам давным-давно абсолютно чужда ненависть к некогда лютым врагам — туркам. Наоборот, они чуть ли не готовы просить у турок прощения за то, что австралийцы, будучи винтиками мировой военной машины, высадились в Турции и убивали турецких солдат на их земле».

Австралийский День АНЗАКа — день памяти всех павших в войнах — родился в Первую мировую, а День Победы — три десятилетия спустя, во Вторую мировую. Когда думаешь о сегодняшней России, то почему-то вспоминается советский лозунг «Не забудем, не простим!» Он впервые появился 14 октября 1941 года на страницах газеты «Красная звезда» в ответ на жестокие действия, творимые немецкими оккупантами. Но этот лозунг, немного подзабытый за послевоенные десятилетия, получил вторую жизнь после распада СССР и начала новых войн на его территории. Сегодня он снова в ходу, как и пресловутый «Можем повторить!» на фоне путинского «победобесия».

Несколько слов о рождении праздника День Победы. 9-го мая он был объявлен указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года Днем всенародного торжества, Праздником Победы, и, следовательно, нерабочим днем. Через три месяца появился указ, гласивший, что День Победы в СССР отмечается еще и 3 сентября — в дату победы над милитаризированной Японией — и тоже считается нерабочим днем. Таким образом, День Победы праздновался дважды в год в течение трех лет — с 1945 по 1947 год.

А 23 декабря 1947 года вышло новое постановление Президиума Верховного Совета СССР, которое отменило этот праздник. Больше того. С 1 января 1948 года кавалеров орденов и медалей (даже Героев Советского Союза) лишили всех льгот — теперь им полагались только ежемесячные денежные выплаты. Почему? Существуют две версии. По одной,— поскольку в 1946-м у СССР началась «холодная война» с Западом, то требовалось быстро восстановить разрушенные города и построить современные заводы, чтобы отразить новое нападение. В подобной ситуации масштабные празднества по всей стране сочли неуместными и накла́дными. По другой версии, аннулировал праздник никто иной, как товарищ Сталин, которого испугала послевоенная популярность маршала Георгия Жукова, с чьим именем связывалась победа. Вождь возобновлял всеобщее «закручивание гаек».

Никита Хрущев, которого с конца 50-х годов постоянно просили вернуть 9 мая как праздничный и выходной, делать это категорически отказывался: дескать, День

Слева: Санитар-носильщик анзак Джон Симпсон (в центре) перевозит на ослике раненного во время Галлипольского сражения. 1915 год. Справа: Скульптура «Симпсон и его ослик», Австралийский военный мемориал, Канберра

Победы у большинства людей ассоциируется со Сталиным. Правда, дата 9 мая, по-прежнему, как и при Сталине, оставалась «красным днем календаря». В газетах печатались соответствующие «передовицы», вечером гремел салют. Но никаких парадов не проводили — день был рабочим.

Воскрешение победного дня произошло через 18 лет после его отмены, в 1965-м году, уже при Леониде Брежневе, который сам прошел войну и участвовал в Параде Победы в 1945-м на Красной площади. Для него этот майский день являлся личным праздником, поэтому формат 9 мая резко поменялся. После долгого перерыва снова стали проводиться военные парады, встречи фронтовиков и народные гулянья. Стоит заметить, что Леонид Ильич любил пышные празднества и масштабные мероприятия. А повод для возрождения победных ритуалов быстро нашелся: в 1965 году исполнилось 20 лет со дня Победы. Реанимация праздника выглядела абсолютно безопасной для советских властителей. В стране выросло поколение тех, кто не застал войну, а многие живые ее свидетели состарились и не принимали участия в политической жизни. В 1967-м Герои Советского Союза наконец-то вновь получили льготы. А вот выплаты за ордена и медали, отнятые Сталиным, так и не восстановили.

С 1965 года торжественное празднование 9 мая вошло в советскую повседневность. Правда, парады проводились не каждый год, а в горбачевскую и ельцинскую пору и того реже. Зато Путин и его «команда» уже в первое десятилетие своего правления просто-напросто приватизировали Победу, а вместе с нею и великое прошлое «тысячелетнего» Российского государства. Как итог, в 2008-м на Красную площадь, впервые с середины 90-х, вывели тяжелую военную технику — теперь ее демонстрируют на всех парадах.

Постепенно в российском массовом сознании начала происходить подмена понятий. 9 мая уже с середины 2000-х превращается одновременно в мемориальный культ и в проект будущего. Не случайно тогда же на автомобилях появились хвастливые наклейки «Можем повторить!», снабженные похабными картинками того, как серп и молот насилует свастику. Лозунг «Можем повторить!» пришел на смену старому доброму рефрену «Лишь бы не было войны!»

В конце «нулевых» вошло в моду в День Победы облачать детишек в костюмы, стилизованные под армейскую униформу. Родители не видели или не хотели видеть в этом опасность. Словом, из живой истории народа Победа превратилась в непререкаемый моральный абсолют, в сакральный объект, где освящено право силы. Культ Победы стал полноценной государственной идеологией.

Фронтовое товарищество. Анзаки — русские и австралийцы — неотличимы. Их роднит спасительное чувство единения

Елена Говор, которая полжизни прожила в СССР, вспоминает: «Когда многие здешние иммигранты, выходцы „оттуда", как и я, учились и работали в Советском Союзе, для нас существовала только история Победы. Не было осознания трагизма самого понятия войны, преступления войны. Да, Великая Отечественная по праву считается справедливой, освободительной. Фашизм — ужасен. Но мы не осознали глубокого страха войны, бессмысленности войны в современном мире. Проблемы геополитические и социальные не решаются войнами. И особенно важно это понимать сегодня, сейчас, когда на наших глазах происходит новая катастрофа в XXI веке...»

Но вернусь к анзакам и снова предоставлю слово историку Елене Говор. Ее книга «Русские анзаки» начинается так «„Хотелось бы всех поименно назвать..." Эти слова Анны Ахматовой из „Реквиема" вспоминаются мне, когда в тихие утренние минуты я останавливаюсь у Вечного огня в Австралийском военном мемориале в Канберре. В водоеме отражается огонь, а над ним — легкие арки галереи, на стенах которой высечены тысячи и тысячи имен австралийских солдат, павших в боях в Европе, Азии, Америке, Океании.

Но для меня в последнее время имена эти перестали быть частью лишь австралийской истории и наполнились особым смыслом. <...> Работая в австралийских архивах, я обнаружила, что среди героических анзаков во время Первой мировой войны были и россияне <...>. Первым натолкнул меня на поиски русских анзаков бывший фронтовик Петер Метсер, уроженец <...> Эстонии. В 1919 году, жалуясь премьер-министру Англии Ллойд-Джорджу на притеснения, которым подвергаются россияне в Австралии после войны, он, в частности, писал: „Мы, русские жители Австралии, проявили больше патриотизма по отношению к Британской империи, чем любая другая иностранная нация..." <...> Сначала мне это показалось полемическим преувеличением. Но о том же свидетельствовал и другой австралийский фронтовик, Вальтер Каласников (Калашников), уроженец городка Остров под Псковом: „Большое количество их [русских эмигрантов] ушло добровольцами на фронт, некоторые отдали свою жизнь, другие вернулись увечными и ранеными, и все они храбро сражались за демократию и свободу для всего мира". <...> Дальше — больше». <...>

Елена Говор — не просто историк-исследователь по профессии и роду занятий. Она по своей внутренней сути азартная и терпеливая искательница и оттого нередко становится первооткрывательницей. Так вышло и с распознанием среди анзаков-австралийцев выходцев из России. Она со студенческой скамьи хорошо знала мир российских архивов и библиотек. И вот уже в новом ее доме, в новой стране, по словам Елены, австралийский архив открывает ей свои сокровища. И вдруг оказывается, что в австралийской армии

Австралийский военный мемориал

Русские анзаки Первой мировой войны

были и российские подданные: «И не один-два десятка, как я предполагала вначале, а целая тысяча. И каждый шестой из них погиб в Галлиполи и в Палестине, Египте и в Англии, во Франции и в Бельгии. Это целый забытый пласт истории русской Австралии и австралийской истории в целом».

Исследовательница задумала раздобыть сведения обо всех воевавших россиянах. Собирала информацию буквально по крупицам. Выяснила, что лучший источник для поиска таких данных — это личные досье военнослужащих. Они хранятся в Национальном австралийском архиве, а еще кое-что в архиве Австралийского военного мемориала. Причем, в последнем оказалось нечто очень ценное — так называемый Nominal Roll (списочный состав). Елена объясняет: «Это огромный алфавитный список всех австралийских солдат, служивших в армии за границей. В нем, среди 324 тысяч имен, прячутся и русские имена. Просматривая его сплошь, буква за буквой, можно выловить несколько сот фамилий славянского происхождения. Дело это — очень трудоемкое: русские фамилии часто перевраны до неузнаваемости. Просмотрев тысячи архивных дел, со статистикой в руках, мне удалось доказать, что россияне на протяжении всей войны тоже были частью „легенды анзаков", причем в Австралийской армии бывшие русские подданные составляли самую большую национальную группу бойцов не англо-кельтского происхождения».

Благодаря изысканиям историка Елены Говор, мы узнали подлинное имя каждого погибшего россиянина. Всего их 167 человек. И фамилия каждого, правда, в английском начертании, увековечена на стенах Австралийского военного мемориала в Канберре. Вместе с Еленой я готова воскликнуть: «Просто удивительно, как Австралия умеет помнить своих павших!»

А еще исследовательница отдает должное тем, кто бережно хранит это прошлое: «Имеющиеся документы образовались благодаря деятельности австралийских чиновников, — „бюрократов", которым я как историк приношу глубокую благодарность, — и благодаря блестяще налаженной системе хранения документов в австралийских архивах». Но когда заходила речь о довоенной и послевоенной жизни русских анзаков, возникали информационные пустоты. «Австралийские архивы помогают восстановить историю жизни российских иммигрантов в Австралии, — утверждает Елена Говор. — Это большой проект. При таком подходе историк стремится не выбирать из массы военнослужащих героические судьбы, а представлять всю когорту во всем ее многообразии. Оцифровка документов, произошедшая в Австралии за последние 10 лет, поражает воображение. Если при работе над проектом в начале 2000-х годов информация о большинстве анзаков ограничивалась лишь сведениями в их служебных досье времен войны, то ныне электронные ресурсы позволяют проследить судьбу человека на протяжении всей его жизни в Австралии. Новым источником, появившимся в последнее десятилетие, являются материалы австралийских газет. Это 20 миллионов оцифрованных и распознанных газетных страниц на сайте Национальной библиотеки Австралии. События из жизни большинства жителей континента, в том числе и российских эмигрантов, постоянно находили отражение на страницах газет. И, наконец, к столетию Первой мировой войны многие библиотеки Австралии оцифровали коллекции фотографий, хранившихся в их фондах, установив личности изображенных на них военнослужащих. Теперь, с большой долей уверенности, можно сказать: если человек жил в Австралии столетие назад, его жизненный путь можно проследить, сидя за компьютером, даже не выезжая в библиотеки и архивы. Но узнать же об их русском прошлом уже после возвращения на родину гораздо труднее...»

И все-таки упорной исследовательнице многое удалось раскопать. Свидетельство тому — очерк Елены Говор «Волгари — анзаки». Прилагаю здесь его сокращенный вариант. ■

ЕЛЕНА ГОВОР

ВОЛГАРИ — АНЗАКИ

У подножия холма Айнсли, в самом сердце Канберры, австралийской столицы, раскинулся комплекс Австралийского военного мемориала. Каждую ночь на его фронтоне высвечивается имя австралийского солдата, павшего на фронтах Первой мировой войны. Светится оно всего полминуты и гаснет, на смену английскому имени приходит ирландское или шотландское, и так всю ночь, от заката до рассвета, в безмолвии Австралия поминает своих павших сыновей и дочерей. Но имена эти не только британские — время от времени среди них загораются и родные нам фамилии — Волков и Шуплаков, Егоров и Янин, еще один Волков, Горкун, а потом Кабатов и Ганивахов. Все они — россияне, волгари, сложившие свои головы на полях сражений в составе вооруженных сил Австралии. В отличие от тысяч других своих соотечественников, чьи следы затерялись на чужбине, память об этих восьмерых свято хранится — имя каждого из них высечено навечно на стенах мемориала, к ним австралийцы приносят красные маки, их имена поминают голоса австралийских школьников, звучащие над мемориальными панелями, ведь они — анзаки, а анзак для австралийцев понятие святое, как для нас — ветеран. <...> Восемь павших анзаков-волгарей — это только вершина айсберга, всего же выходцев из России в Австралийской армии было свыше тысячи человек, а уроженцев Поволжья — тридцать. О трех из них и будет наш рассказ.

Их путь в далекую Австралию был непростым. Незадолго до начала Первой мировой войны в Австралию хлынул поток эмигрантов из России. Обычно сначала они отправлялись в Сибирь и на Дальний Восток или ехали на заработки, например на прииски или на строительство железной дороги и, не устроившись там, были готовы попытать счастья еще раз и отправиться за океан — в Америку, на Гавайи, в Австралию. Австралийские иммиграционные агенты на Дальнем Востоке зазывали их на свои корабли и сулили золотые горы, ведь Австралия в то время славилась как «рабочее царство», где была высокая зарплата, 8-часовой рабочий день, вдоволь свободной земли, да еще к тому же вечное лето. Многие из этих переселенцев отправлялись в Австралию на заработки, надеясь через несколько лет вернуться на родину с сотней-другой фунтов, и поэтому обычно ехали без семей [20, с. 145–158]. Именно так поступили Григорий Матренин, Николай Силантьев и Михаил Волков, три друга из села Красное в Симбирской губернии (ныне это Сеченовский район Нижегородской области). Незадолго до начала войны они приехали в Австралию на заработки, оставив в Красном жен и детей.

В то время австралийские власти не требовали у новоприбывших документов и не чинили им препятствий остаться в стране, если они казались хорошими работниками. А именно такими и были наши волгари — молодые сильные парни, которые работали на строительстве железных дорог и в шахтах, на рубке сахарного тростника и на лесопилках. Денег на билет у наших эмигрантов, отправлявшихся в Австралию с Дальнего Востока, как правило, хватало только до первого большого австралийского порта. Обычно это был Брисбен, столица Квинсленда, северного, тропического штата Австралии, и именно здесь большинство из иммигрантов и оседало.

Когда в августе 1914 года началась Первая мировая война, Россия оказалась главным союзником Великобритании и Австралии. Хотя в Австралии служба в армии была добровольной, россияне, проживавшие на ее территории, в соответствии с указаниями российского консула Александра Абазы, были объявлены военнообязанными и должны были вступать в австралийскую

армию. Часто наших эмигрантов гнали в армию голод и безработица — с началом войны им все труднее становилось получать работу. А у некоторых еще была и надежда — повидать мир, а когда война окончится, добраться до родины.

В конце 1915 года австралийские войска были выведены с Галлиполи и переброшены на Западный фронт. В составе подкреплений, прибывших на Западный фронт, были и трое друзей из Красного — Матрёнин, Силантьев и Волков.

Газета «Известия Союза русских эмигрантов», выходившая в Брисбене, сообщала, что когда началась война, отцы двоих из них — Матрёнина и Силантьева — посоветовали им не возвращаться домой, а то их заберут на войну. За такие письма отцов арестовали, в полиции жестоко избили и потом отдали под суд и посадили в тюрьму, требуя возвращения сыновей. Бедным ребятам ничего не оставалось, как вступить в австралийскую армию [17]. С 26-м батальоном они прибыли на Западный фронт в сентябре 1916 года. Через несколько недель они понесли первую потерю — Михаил Волков был убит в битве на Сомме в ноябре 1916 года. В феврале 1917 года Николай Силантьев был тяжело ранен в правую руку и обе ноги и отправлен в Австралию. И наконец в мае 1917 года Григорий Матрёнин был тяжело ранен осколками снаряда в правый глаз, в правую руку и в ноги. Он выжил, но ослеп и был отправлен на лечение в Англию.

Послевоенные судьбы наших российских героев сложились по-разному.

Григорий Матрёнин, израненный на фронте, был помещен в интернат для слепых солдат Сент-Данстон в Англии, где его обучали птицеводству и плетению корзин. Несколько лет спустя ему удалось установить связь со своими родными в Красном. В 1922 году, во время голода в Поволжье, родные писали ему: «У нас беда с хлебом, и мы едим все подряд — гнилую солому с крыш, зеленую крапиву, а некоторые едят даже портянки и мертвечину». Дети, Нюра и Миша, слезно просили его спасти их и вывезти к себе. Григорий сделал несколько безуспешных попыток получить разрешение на их въезд в Австралию, но австралийские власти сочли нецелесообразным «привезти их в страну, где у них не будет друзей и будет язык, который они не знают», и ограничились выплатой им пенсии [14]. Оставшись в Англии один, Матрёнин покорил сердце англичанки Элис Баллард и, прожив с ней долгую жизнь, вырастил дочь, названную русским именем Вера. В 1938 г. Матрёнин был приглашен участвовать в открытии Австралийского военного мемориала в Виллер-Бретоннё во Франции и удостоился чести поговорить с английским королем Георгом VI [22].

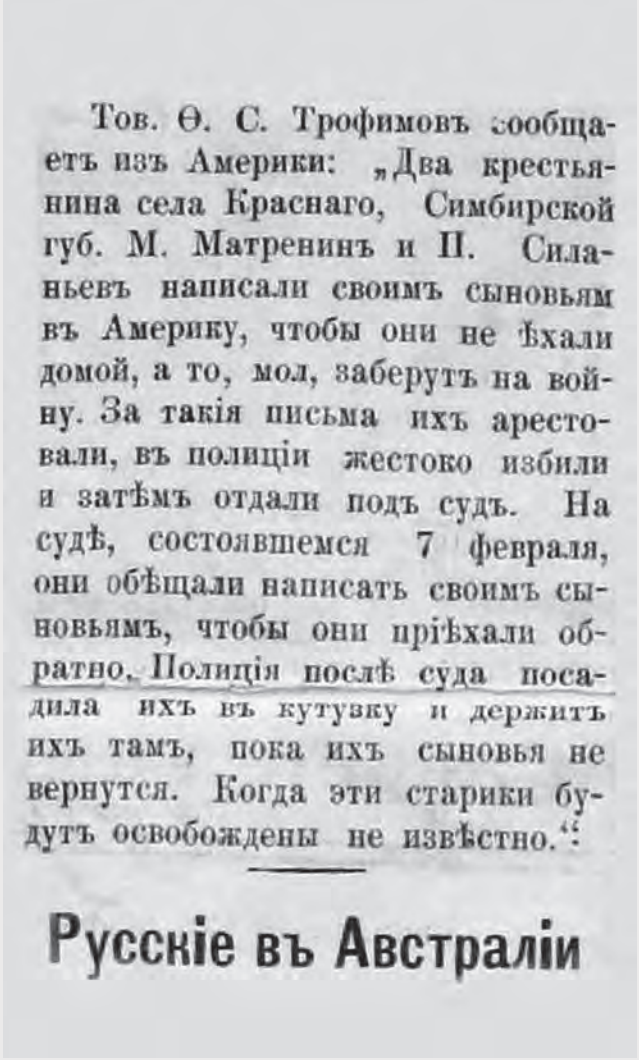
Его земляк, Николай Силантьев, поправился после тяжелых ранений, но остался на всю жизнь хромым. Вначале он получал небольшую пенсию и жил в Брисбене, но затем ему пришлось кочевать по всему Квинсленду в поисках заработка — рубить сахарный тростник на севере и строить железные дороги на юге. Очевидно, такая жизнь была ему не по силам, и в 1923 году он отправился на родину. Добравшись до Красного, он встретил жену Михаила Волкова, Прасковью, которая получала австралийскую пенсию, как вдова анзака.

Сверху вниз:
Михаил Волков
Григорий Матрёнин
Николай Силантьев

В 1936 году он был арестован с обвинением в контрреволюционной деятельности; арестована была и Прасковья — очевидно, подлинной причиной арестов была эта самая австралийская пенсия. В 1938 году Силантьев был арестован во второй раз и выслан в Казахстан, где следы его теряются [16], но история Прасковьи сохранилась в австралийских архивных документах.

В 1942 году, в разгар тяжелых боев Советского Союза с гитлеровской Германией, Австралия и Советский Союз установили дипломатические отношения. В Россию из Австралии была отправлена дипломатическая миссия, которая в 1943 г. была открыта в Куйбышеве (Самаре), куда были переведены многие организации из Москвы. Вскоре после того, как миссия переехала в Москву, на ее пороге появилась необычная посетительница. Питер Хейдон, секретарь, сообщал австралийским властям: «26 июня 1944 г. госпожа Прасковья Волкова посетила дипломатическую миссию, пройдя пешком бóльшую часть пути от своего места жительства в Красном селе (Горьковская область) до Москвы, что составляет 300–400 километров. Ее крайняя нищета не вызывала никакого сомнения, она в достаточной мере идентифицировала себя посредством паспорта и справки из сельсовета. Она рассказала о том, как тяжело ей живется и как жестоко обращается с ней и с ее односельчанами председатель колхоза, который является там полновластным диктатором. Особенно плохо ей пришлось, когда ее сына забрали в Красную армию. Во время „чисток» (1937–38 гг.) она была заключена в тюрьму; по ее словам, причина была в том, что она получала иностранную пенсию, но теперь ее положение так тяжело, что она решила, что стоит рискнуть и попросить нас о возобновлении выплаты ей пенсии. В частности, поскольку она нетрудоспособна, ей не разрешают покупать хлеб по государственным ценам. Если бы ей предоставляли это право, то на нашу пенсию она смогла бы прожить. Надеясь ей помочь, наша миссия выдала ей свидетельство о том, что она получает пенсию австралийского правительства как вдова, чей муж погиб в Великой войне. Мы также включили в свидетельство просьбу о том, чтобы ей, если возможно, было предоставлено право покупать хлеб по государственным ценам. Мы достали для нее билет на поезд, на котором она сможет вернуться в свою деревню».

До «чисток» Прасковья Волкова получала пенсию через британского консула в Москве, но в 1937 году контакт с ней прервался. Теперь австралийцы узнали причину. За это время невыплаченная ей пенсия составила несколько сот фунтов. Секретарь миссии Хейдон, принявший финансовые дела от британского консула, понимал, что другого случая выплатить ей прямо в руки причитающиеся деньги у них больше не будет. Не дожидаясь формальной резолюции из Лондона или Австралии, он принял решение незамедлительно выплатить ей всю пенсию из средств посольства, переведя ее в рубли. Единственным

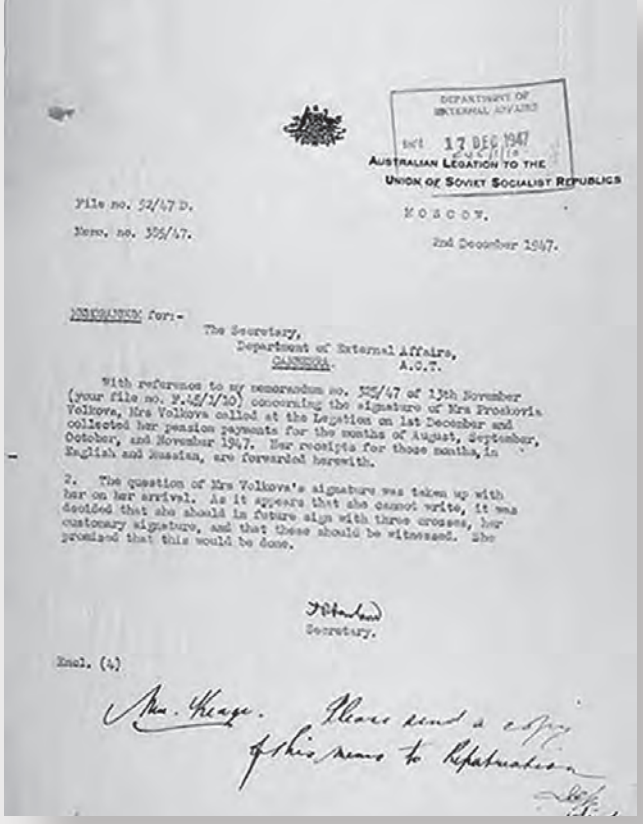
Тов. Ѳ. С. Трофимовъ сообщаетъ изъ Америки: „Два крестьянина села Краснаго, Симбирской губ. М. Матренинъ и П. Силаньевъ написали своимъ сыновьямъ въ Америку, чтобы они не ѣхали домой, а то, мол, заберутъ на войну. За такія письма ихъ арестовали, въ полиціи жестоко избили и затѣмъ отдали подъ судъ. На судѣ, состоявшемся 7 февраля, они обѣщали написать своимъ сыновьямъ, чтобы они пріѣхали обратно. Полиція послѣ суда посадила ихъ въ кутузку и держитъ ихъ тамъ, пока ихъ сыновья не вернутся. Когда эти старики будутъ освобождены не извѣстно.“

Русскіе въ Австраліи

«Известия Союза русских эмигрантов»

Прасковья — вдова Волкова

DEPARTMENT OF EXTERNAL AFFAIRS
Rec'd 17 DEC 1947
Canberra
AUSTRALIAN LEGATION TO THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS

File no. 52/47 D.
Memo. no. 305/47.

MOSCOW.
2nd December 1947.

CONFIDENTIAL For:-
The Secretary,
Department of External Affairs,
CANBERRA. A.C.T.

With reference to my memorandum no. 305/47 of 13th November (your file no. F.45/1/20) concerning the signature of Mrs Prokovris Volkova, Mrs Volkova called at the Legation on 1st December and collected her pension payments for the months of August, September, October, and November 1947. Her receipts for those months, in English and Russian, are forwarded herewith.

2. The question of Mrs Volkova's signature was taken up with her on her arrival. As it appears that she cannot write, it was decided that she should in future sign with three crosses, her customary signature, and that these should be witnessed. She promised that this would be done.

Secretary.

Encl. (4)

Меморандум австралийского департамента о вдовьей пенсии Прасковье Волковой, подписанный 17 декабря 1947 года

свидетельством этой трансакции, которое он мог предъявить своему начальству, был крестик, который «госпожа Волкова» поставила на платежной ведомости вместо подписи — она была неграмотна [10]. В течение последующих трех лет, до 1947 г., австралийская дипломатическая миссия высылала ей пенсию в деревню почтовым переводом, но, поскольку вестей о себе она не подавала, австралийцы засомневались, что она получает переводимые ей деньги, и выплата пенсии была приостановлена. В 1947 г. Прасковья Волкова снова отправилась в дальний путь и еще раз побывала в гостях у австралийцев. На этот раз ее делом занимался Джон Р. Роуленд, недавно назначенный секретарем, который договорился с Прасковьей, что, получая деньги на почте, она будет ставить на квитанции три крестика — это будет служить условным знаком, что она действительно получила пенсию [11].

...Судьба совершает порой неожиданные повороты и иногда в поле ее действия попадают и официальные лица. Мне не сразу открылось, что Роуленд, молодой секретарь дипломатической миссии, был австралийским поэтом Дж. Р. Роулендом. Кроме собственных стихов о России, он сделал блестящие переводы русских поэтов шестидесятников, включая стихотворение Бориса Слуцкого «Когда русская проза пошла в лагеря», посвященное моему деду, писателю Артему Веселому, выросшему на Волге и погибшему в сталинских застенках. Раньше мне казалось удивительным, как сумел австралиец Роуленд так глубоко проникнуть в русскую душу, но, возможно, его открытие настоящей России началось в том далеком 1947 году, когда на пороге его кабинета появилась Прасковья Волкова, простая крестьянка, вдова русского анзака.

...Каждый день в Канберре, на закате, к могиле неизвестного солдата выходит волынщик в шотландском костюме, и к небу возносится печальная мелодия «Последнего поста» — вечернего сигнала, который теперь традиционно исполняют в память павших на поле боя. В шотландскую мелодию врываются тревожные крики белых какаду, которые взмывают в небо с эвкалиптов, окружающих Австралийский военный мемориал. Белые какаду, как белые журавли над Волгой, кружатся в закатных лучах. Вечный огонь отражается в водоеме, а над ним — легкие арки галерей, на стенах которых среди тысяч имен британцев высечены имена и наших погибших волгарей Volkoff — Shuplakoff — Kabatoff — Yannin — Gorkoon — Wolkoff — Ganivahoff — Egoroff. Теперь их истории возвращаются на их родину, в Россию. ■

Источники и литература к статье «Волгари и анзаки»

1. Австралийский военный мемориал = Australian War Memorial. 1DRL/428, wounded and missing. 4799 Pte William Danieloff Gorkoon. 2. Архив Елены Говор (АЕГ), Канберра, Австралия. Крейг Казаков (Craig Kazakoff) — Елене Говор, е-маил. 30.08.2001. 3. АЕГ. Е.В. Лобанова — Елене Говор, е-маил. 7.06.2002. 4. АЕГ. Интервью с Робертом Ломинга (Robert Lominga), 14.10.2001. 5. АЕГ. Tupicoff, Alexandra. A family history. 1985. 6. АЕГ. Nicholas Tupicoff [by his children]. 7. Национальный архив Австралии = National Archives of Australia (NAA). A471. 5818. 8. NAA. A471. 7005. 9. NAA. A471. 15162. 10. NAA. A989. 1944/971/15. 11. NAA. A1066. IC45/58/1/1. 12. NAA. B2455. Gorkoon W D. 13. NAA. B2455. Volkoff John. 14. NAA, A2487. 1923/2252. 15. Вагин, И. Русская рабочая организация / Иван Вагин // Известия Союза русских эмигрантов, Брисбен. — 6.01.1916. — С. 4. 16. Силантьев, Николай Петрович // Книга памяти Нижегородской области (Электронный ресурс http://base.memo.ru). 17. Трофимов, Ф.С. [Корреспонденция] / Ф.С. Трофимов // Известия Союза русских эмигрантов. — 27.05.1915. — С. 3. 18. Bean, C.E.W. The Patrol. Scouts in the Scrub / C.E.W. Bean // Argus, Melbourne. — 20.12.1915. — С. 7. 19. Etcell, P. The Egoroff mystery / P. Etcell // Journal of the Australian War Memorial. — 2003. — № 39. 20. Govor, E. Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions, 1770–1919 / Elena Govor. — Melbourne: MUP, 1996. 21. Govor E. Russian Anzacs in Australian History. — Sydney: UNSW Press & NAA, 2005. 22. The King and Australian St. Dunstaners // St. Dunstan's Review. — 1938. — сентябрь. — С. 2. 23. New dancing studio // Daily Mail, Brisbane. — 9.05.1926. — С. 10. 24. Nile Street Seamen's Mission concert // Port Adelaide News. — 8.09.1922. — С. 5. 25. Russian Anzacs (Электронный ресурс https://russiananzacs.net/). 26. Russian Anzacs Lives on the Map (Электронный ресурс https://russiananzacs.net/map/) 27. Russian escapees // Northern Times, Carnarvon. — 15.04.1911. — С. 3. 28. Seamen's Mission Nile Street concert // Port Adelaide News. — 2.02.1923. — С. 2. 29. [Sindeeff, N.] A letter from the front / Nicholas Sindeeff // The Dubbo Liberal and Macquarie Advocate. — 2.03.1915. — С. 2. 30. Trove. Archived websites (Электронный ресурс https://trove.nla.gov.au/website?q=/)

31. Trove. Digitised newspapers and more (Электронный ресурс https://trove.nla.gov.au/newspaper/)